

«Смотрел на Харламова и плакал...»

На 94-м году жизни скончался легендарный врач ЦСКА и сборной СССР Олег Белаковский

Олег Белаковский и врач ЦСКА Игорь Силин оказывают помощь Валерию Харламову.

Имя Олега Белаковского у болельщиков его стажем всегда ассоциировалось с Красной машиной — хоккейной сборной СССР и непобедимым ЦСКА. Это была целая эпоха в истории советского спорта. Белаковский — заслуженный врач России, автор уникальных методик восстановления травмированных спортсменов. В 2005 году он был удостоен международной премии «Профессия-жизнь» в номинации «Великий врачеватель». В апреле 2006 года френч-бюст доктора Белаковского появился на Аллее Славы ЦСКА рядом с легендарными именами Александра Гомельского, С футбольной сборной Белаковский побеждал на Олимпиаде в Мельбурне, с хоккейной — в Салпуро и Инсбруке. Медицинскому штабу ЦСКА Белаковский отдал больше полувека и на пенсию вышел только в 90 лет.

Одно из трогательных интервью пару лет назад он дал интернет-изданию «Спорт», самым любопытными фрагментами предлагая вынимать читателям «Вестей Сегодня».

— Помните свой первый стрессовый случай в качестве врача ЦСКА? — Был у нас такой защитник Миша Ермолаев,

крестник мой. В 1957-м Миша столкнулся в Горьком с нашим же нападающим Германом Алухтым и получил локтем в плечо. После игры команда улетала, а мы остались в Горьком. Если бы я взял Мишу в Москву, он бы мог умереть в дороге и меня бы засудили. По пути в военный госпиталь Миша стал тяжелеть, я делал ему уколы. Почка развалилась на две части. Он провалил колоссальную волю и продолжил играть с одной почкой, дорос до олимпийской сборной. Одна почка справлялась за два и мы предохранили его специальным фиброволокном.

— На Олимпиаде-1956 в Мельбурне тоже хватало работы? — В начале второго тайма игры с болгарями столкнулся Коля Тищенко и болгарин Янев. Поднявшись, Коля лобнул в мою сторону: «Вправьте мне руку». Смотрю, а у него все плечо в крови. Разрезаю майку, а там ключица торчит наружу. Коля торчит меня, ему не терпится вернуться в игру. Замен тогда не было. Я вправил ему кость, нанес фиксирующую повязку и Тищенко победил на поле. В овертайме Тищенко дал на ход Рыжину, тот прострелил, а Татушин забил

победный гол. Мы вышли в Финляндию, а потом на поезде из Владивостока в Москву. На каждой станции нас встречали демонстрациями. Как раз накануне Нового года в вагон авалился бородатый мужик с мешком на плече: «Сынки, а где Яшин?»

Левый подошел к старику, а тот достал самгон-пакет семечек и упал на колени: «Вот все, что есть, заберите, я не стою ни гроша ни народа». — А потом? — Вскоре после того чемпионата мы играли в Швеции товарищеский матч. Жени Мишкова толкнули на бор. Поехали в госпиталь — на рентгене увидели, что полупулая кость торчит у него в сторону. Шведский врач впервые столкнулся с такой травмой. Мы вправили кость, наложили гипс, но уже на следующий день Мишкова вывели на лед с правой в косынку. У Тарасова даже травмированные игроки выезжали на раскатку, хоть потом и не играли. Когда жени перед игрой намазывал круги с загипсованной криво-

Декабрь 2014-го... Олег Белаковский вручает именной перстень Зала славы российского хоккея. Один из его гостей — известный в прошлом вратарь сборной СССР, а ныне заместитель генерального директора квартала «Парк Легенд» Владимир Мишкин.

— До меня врачом в хоккейной сборной работал Алексей Васильев. Но в Финляндию он поехал, что финский кефир лучше советского. Это услышали чехисты и Васильева отправили домой. Тарасов позвал в сборную меня и я поехал на чемпионат мира в Стокгольме.

— С какими трудностями там столкнулись? — На Коноваленко свалился шведский нападающий. Битя получил мощный удар коленом в лоб и упал без сознания. Я примчался, стнулся с Вити маску-нашлепку и увидел, что его границы заполнены кровью. Дистрофики соскользнули перелом носа, но уже через два матча Коноваленко вернулся в ворота и мы победили.

— Мне стало жутко, когда я увидел, во что превратился его «Волга»! Страшно было подумать, что с ним самим. У Валеры обнаружился перелом ребер, голени, сотрсение мозга и множество ушибов.

— А потом? — Вскоре после того чемпионата мы играли в Швеции товарищеский матч. Жени Мишкова толкнули на бор. Поехали в госпиталь — на рентгене увидели, что полупулая кость торчит у него в сторону. Шведский врач впервые столкнулся с такой травмой. Мы вправили кость, наложили гипс, но уже на следующий день Мишкова вывели на лед с правой в косынку. У Тарасова даже травмированные игроки выезжали на раскатку, хоть потом и не играли. Когда жени перед игрой намазывал круги с загипсованной криво-

сисналом, но я оказался прав. Только-только встал на ноги, Валера отправился на лед — Тарасов посоветовал ему покататься с б-летними детьми из школы ЦСКА. Когда Валера потянул коньки, у него дрожали руки, а мы с Игорем Силиным, врачом ЦСКА, еле сдерживали слезы. Валера поправился, занимался с пашавами, он даже просился мне, что хочет стать детским тренером, когда закончит играть.

— Помните день, когда да он вернулся на лед? — Нам предстояли матчи с Ригой, «Динамо» и «Крыльями». Рижское «Динамо» играло довольно жестко, московское было нашим принципиальным соперником, поэтому мы с тренером Локтовым ре-

шили не ехать. Тарасов на матч с «Крыльями Советов» — ближайшим нам по стилю командой, в которой выступало много наших друзей. В день игры я поехал на базу

«Крыльев», которых тренировал Борис Кулагин. Он удивился: «Подсчитайте приехали!» — «Разрешите выступить перед ребятами. Сегодня Харламов возвращается». Кулагин подвел меня к игрокам: «Я не привыкаю вас расстаться, но прощай, не играйте против него жестко». Когда команды вышли на раскатку и поехали Валера, «Лужники» зашумели. А когда диктор объявил 17-й номер, весь стадион встал и ошарашенно джмась минут десять. На 4-й минуте Валера забил. За десятилетие работы в спорте я видел три по-настоящему великих спортсмена: Боброва, Яшева и Харламова.

— Дружба с Севой Бобровым определяла судьбу, не так ли? — После войны я служил на Дальнем Востоке и приехал как-то в Москву на курсы совершенствования мастера — и встретился с Севой. Он сказал

«Крыльям» которых тренировал Борис Кулагин. Он удивился: «Подсчитайте приехали!» — «Разрешите выступить перед ребятами. Сегодня Харламов возвращается».

Кулагин подвел меня к игрокам: «Я не привыкаю вас расстаться, но прощай, не играйте против него жестко». Когда команды вышли на раскатку и поехали Валера, «Лужники» зашумели. А когда диктор объявил 17-й номер, весь стадион встал и ошарашенно джмась минут десять. На 4-й минуте Валера забил. За десятилетие работы в спорте я видел три по-настоящему великих спортсмена: Боброва, Яшева и Харламова.

— Дружба с Севой Бобровым определяла судьбу, не так ли? — После войны я служил на Дальнем Востоке и приехал как-то в Москву на курсы совершенствования мастера — и встретился с Севой. Он сказал

«Крыльям» которых тренировал Борис Кулагин. Он удивился: «Подсчитайте приехали!» — «Разрешите выступить перед ребятами. Сегодня Харламов возвращается».

Кулагин подвел меня к игрокам: «Я не привыкаю вас расстаться, но прощай, не играйте против него жестко». Когда команды вышли на раскатку и поехали Валера, «Лужники» зашумели. А когда диктор объявил 17-й номер, весь стадион встал и ошарашенно джмась минут десять. На 4-й минуте Валера забил. За десятилетие работы в спорте я видел три по-настоящему великих спортсмена: Боброва, Яшева и Харламова.

— Дружба с Севой Бобровым определяла судьбу, не так ли? — После войны я служил на Дальнем Востоке и приехал как-то в Москву на курсы совершенствования мастера — и встретился с Севой. Он сказал

«Тобе нужно работать спортивным врачом» и рекомендовал меня Василию Сталину, возглавлявшему клуб БС. Тот меня принял, узнал, где я служил, и за несколько часов договорился о моем переезде в Москву.

— Как вы познакомились с Бобровым? — В конце тридцатых мы учились в одной школе и играли в русский хоккей на льду Финского залива в Сестрорецке, это под Ленинградом. Выступали с Севой в одной команде: я в воротах, он в атаке. Однажды команда нашей школы выиграла чемпионат Ленинградской области, так Сева в финале из 22 наших голов забил 16. Хоккею Сева обучал, это тоже отличный игрок, а мать за удачную игру премировала сладостями. Затем Сева поехал в Ленинградское «Динамо», а я поступил в Военно-медицинскую академию.

— Как для вас началась война? — Тушил «зажигалки», которые немцы сбрасывали на крыши домов. Во время бомбежек я регулярно выходил на дежурство. Никогда не забуду, как мимо нас проезжал трамвай с молотками и веселыми ребятами, а через мгновение на него рухнула бомба. Наш папул, кинулся к трамваю

— пытался спасти тех, кто остался в живых. А в конце лета, патрулируя Финляндский вокзал, я внезапно встретил Севу Боброва — мы не виделись несколько лет. Завод, на котором работала вся его семья, эвакуировали в Омск. Сева не признавался, но по его виду я понял, что он уже давно ничего не ел — голод тогда в Ленинграде был страшный. На прощание отдал Севе консервы и колбасу — весь свой паек. О Боброве я услышал вновь уже после окончания войны. Отпуск мы дали только в ноябре 1945-го. На переломных я отправился из Венгрии в Ленинград и по пути решил закончить в Могилеве с своей невестой. На вокзале в Суворове услышал радиопропаганду из Лондона с матча «Динамо» — «Челси»: «Мен у Боброва! Бобров бьет!» Я сразу понял, что речь про Севу. ■

ПРЕМЬЕРА БЕЗ ТОРМОЗОВ!

